

Е.Ю. Савин, К.С. Брулева

ИНТЕЛЛЕКТ, ЭМПАТИЯ И ЛИЧНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ КАК УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования соотношения личностных черт, эмпатии, интеллекта с компетентностью социального взаимодействия студентов вуза (n=213). Установлено, что компетентность социального взаимодействия, оцениваемая по тесту Н.М. Кодиновой, связана как с личностными чертами, так и с интеллектуальными ресурсами. Среди черт "Большой пятерки" наиболее важный вклад в компетентность вносят экстраверсия (обуславливает готовность к активному изменению ситуаций взаимодействия), согласие (благоприятствует чувствительности к нуждам и потребностям партнеров) и эмоциональная стабильность (способствует оптимальному эмоциональному фону). Эмпатия (по опроснику Р. Рейнерс, в адаптации М.А. Окатовой) вносит независимый от личностных черт вклад в компетентность социального взаимодействия, при этом когнитивная эмпатия (способность и склонность к децентрации) является более важной, чем аффективная эмпатия. Вклад аффективной эмпатии противоречив, и она включает как компоненты, способствующие компетентности (чувствительность к близким), так и те, что связаны с компетентностью отрицательно (отзеркаливание эмоций). Интеллект (по тесту П. Ржичана) вносит опосредованный вклад в компетентность социального взаимодействия за счет того, что люди с более высоким интеллектом имеют более высокий уровень когнитивной эмпатии.

Ключевые слова: компетентность социального взаимодействия, социальная компетентность, большая пятерка, эмпатия, интеллект, студенты.

Для цитирования: Савин Е.Ю., Брулева К.С. Интеллект, эмпатия и личностные черты как условия развития компетентности социального взаимодействия студентов // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. Т.9. № 1. С. 65-77. DOI 10.54072/26586568_2026_9_1_65.

Введение

В современной системе высшего образования оценка образовательных результатов всё более трансформируется от акцента на предметные знания к комплексному, компетентностному подходу, который учитывает не только когнитивные, но и метапредметные, а также личностные характеристики обучающихся. В этом контексте ключевое значение приобретают так называемые универсальные или «мягкие навыки» (soft skills), в частности — компетентность социального взаимодействия, представляющая собой целостную способность студента эффективно и этично взаимодействовать в разнообразных социальных контекстах: в учебных группах, профессиональных коллективах, при построении межличностных отношений.

Однако для формирования и корректной оценки данной компетентности недостаточно лишь описывать её внешние проявления и составляющие. Необходимо изучить психологические механизмы и условия, способствующие её развитию. Ясное понимание этих психологических условий позволяет не только оценивать

сформированность компетентности, но и разрабатывать целенаправленные психолого-педагогические стратегии её формирования, в которых будут разграничены общие для всех студентов приемы развития и более индивидуализированные воздействия.

Обзор литературы

Прежде всего отметим, что как отечественные, так и зарубежные авторы отмечают терминологическую и концептуальную нечеткость в описании общей готовности и способности человека решать социальные задачи, строить благоприятные отношения между людьми в разных социальных контекстах. Для обозначения этой характеристики человека используются термины «социальная компетентность», «компетентность в общении», «компетентность социального взаимодействия», «социальная компетенция», «межличностная компетентность» и др. Эти различия вызваны отчасти как сложностью самого явления, так и многообразием исследовательских подходов и традиций его исследования (индивидуально-психологическим, психолого-педагогическим, возрастно-психологическим или

социально-психологическим) [18]. Мы будем употреблять термин «компетентность социального взаимодействия» (КСВ), вместе с тем, имея в виду то, что такие термины как «социальная компетентность» или «компетентность в общении» хоть и не являются прямыми синонимами компетентности социального взаимодействия, но, по крайней мере, отсылают к родственным конструктам.

Не претендуя в данной статье на полноту раскрытия понятия компетентности социального взаимодействия во всех деталях и контекстах, тем не менее обозначим ориентиры, которые необходимы для понимания сущности этой характеристики человека и уяснения ее взаимосвязи с другими конструктами, имеющими отношение к социальному взаимодействию.

Во-первых, уже в момент появления термина «социальная компетентность» в научной литературе в 1930-е годы он обозначал более обобщенные социальные навыки (такие, как настойчивость в достижении социальных целей, умение ладить с людьми) в противоположность частным (таким как навыки распознавания эмоций или установления визуального контакта) [24]. Это различие представляется важным и в современных взглядах на данный конструкт. Компетентность социального взаимодействия – сложная характеристика, включающая в себя аспекты, относящиеся к разным сферам и уровням функционирования психики. Так, Н.М. Кодицева в структуре КСВ выделяет интеллектуальный компонент (социальные знания и опыт, дающий возможность построения репрезентации коммуникативных ситуаций), мотивационно-личностный компонент (мотивы, ценности и чувства личности, относимые к социальной сфере), поведенческий компонент (навыки, способы социального поведения) [5]. О.Н. Родина в целом воспроизводит данную структуру с некоторыми терминологическими уточнениями, но добавляет к ней рефлексивный компонент – умение проводить анализ своих социальных действий и корректировать их [10]. В интегративном подходе к социальной и эмоциональной компетентности, предложенным К.Дж. Сото с соавторами отмечается, что хотя эта характеристика человека и не является достаточно четко определенной у разных авторов, но чаще всего включает в себя навыки, относящиеся к пяти основным сферам: вовлечение (активное воздействие на других людей), сотрудничество (поддержание позитивных

отношений с другими), самоорганизация (целеполагание и контроль за собственным поведением), эмоциональная устойчивость (регуляция своих эмоций) и инновации (взаимодействие с новым опытом и идеями). Эти пять областей не являются четко определенными категориями, а, скорее, прототипами или нечеткими понятиями, которые, тем не менее, полезны для упорядочивания разных навыков и понимания взаимосвязи между ними [21].

Во-вторых, разделяемое нами понимание компетентности социального взаимодействия предполагает то, что это эта характеристика не сводится к полной и адекватной *репрезентации* проблемных ситуаций в общении между людьми, но включает готовность к *активному воздействию*, нацеленному на изменение ситуации в желаемом направлении. Акцент на активное действие как проявление более высокого уровня компетентности социального взаимодействия делается, в частности, Н.М. Кодицевой, и воплощен в разработанной тестовой методике для диагностики этого качества [4]. Эта методика сконструирована как тест, предполагающий выбор возможных вариантов реагирования в проблемных ситуациях формального и неформального общения. При этом более высокому (в терминах автора – нормативному и личностно-творческому) уровню сформированности компетентности отвечают варианты, предполагающие действие, а варианты, которые содержат уклонение от действия, рассматриваются как контрпродуктивные. Такое понимание компетентности социального взаимодействия с одной стороны позволяет отличить эту характеристику от социального интеллекта (способности человека строить мысленные модели, относящиеся к ситуациям социального взаимодействия), а с другой – указывает на то, что в своем генезисе и функционировании компетентность социального взаимодействия опирается не только на когнитивную сферу, но и на личностные черты (свойства характера и темперамента), которые связаны с готовностью к активному воздействию на окружающий социальный мир. Так человек, который обладает достаточным социальным интеллектом (т.е. верно понимает и оценивает ситуации общения) может демонстрировать относительно низкий уровень компетентности социального взаимодействия, например из-за повышенной социальной тревожности, которая способствует

пассивным вариантам поведения по отношению к ситуации.

В-третьих, специфика компетентности социального взаимодействия состоит в том, что это такая характеристика человека, которая в своих существенных проявлениях означает способность к взаимодействию с опорой на приемлемые в данном социуме нормативы и ценности. В терминах А.В. Петровского [8], компетентность социального взаимодействия это интериндивидуальная черта, в то время как такие характеристики личности как эмпатия и социальный интеллект – это, скорее, черты интраиндивидуальные. Отсюда, кстати, вполне закономерно следует применяемый в ряде зарубежных работ методический прием оценивания социальной компетентности по характеристикам, связанным с оценкой окружающими (например, социальным статусом) [13], [22]. В разработанной Н.М. Кодиной и используемой нами методике диагностики КСВ аспект социальной нормативности также нашел свое отражение, поскольку более высокие баллы присваиваются не любым эффективным приемам разрешения проблемных ситуаций в общении, а тем, которые рассматриваются в качестве нормативно приемлемых [5]. О.Н. Родина также в своем определении КСВ делает акцент на том, что это общая способность и готовность сотрудничать с другими людьми в достижении таких целей, которые являются социально значимыми [10]. С этой позиции мошенник, который успешно обманывает других, обладает высоким уровнем социального интеллекта, а также личностными чертами, позволяющими ему активно воздействовать на социальную среду в своих интересах (ассертивностью), но не является социально компетентным, поскольку действия его противоречат принятым нормативам. Из понимания КСВ как интериндивидуальной характеристики закономерно вытекают два момента. Первое — это то, что определение человека как социально компетентного должно учитывать контекст, в котором эта компетентность формируется и проявляется. Социально компетентный школьник далеко не всегда и сразу становится социально компетентным студентом, а социально компетентный студент – компетентным работником. Изменяющиеся социальные реалии требуют от человека развития и донстройки навыков КСВ, которые отвечают этим реалиям. Второе обстоятельство состоит в том, что изменчивость нормативов верного и неверного поведения в зависимости от исторических и

культурных условий требует более внимательного отношения к тестовому материалу методик оценки этого качества в плане возможных коррекций.

Итак, обобщая перечисленные характеристики, компетентность социального взаимодействия – это сложная характеристика субъекта, определяющая его способность и готовность к построению ментальной репрезентации проблемных ситуаций межличностного взаимодействия и активному воздействию на них с целью изменения в желаемом направлении на основе социально-приемлемых в данном общественном контексте норм и принципов. Интраиндивидуальные качества человека, его способности и черты личности выступают тут как ресурс, который может помогать или, наоборот, блокировать развитие КСВ.

Рассматривая связь личностных черт большой пятерки с компетентностью социального взаимодействия, прежде всего стоит заметить, что исходя из содержательной трактовки все пять черт могут вносить свой вклад в разные аспекты КСВ. Так, экстраверсия связана с готовностью активно действовать в социальных ситуациях, согласие – обеспечивает чуткость в понимании и учете интересов участников взаимодействия, сознательность – позволяет контролировать свое собственное поведение, эмоциональная устойчивость – благоприятствует оптимальному эмоциональному фону в социальном взаимодействии, открытость опыту – способствует гибкости в применении навыков и чувствительности к контексту взаимодействия. Неудивительно, что и конкретные исследования так или иначе отмечают все эти связи [19]. Нетрудно заметить, что указанное сочетание черт фактически связано с более высоким уровнем развития личностного фактора более высокого порядка – общего личностного фактора (GFP). Это дает основание некоторым авторам в интерпретации содержательного смысла этого фактора рассматривать его как общую социальную эффективность или компетентность [17]. С этой точки зрения эмоционально устойчивый экстраверт, с высоким самоконтролем, готовностью к согласию и открытый к новому опыту – рассматривается как более социально компетентный. Эмоционально неустойчивый интроверт, имеющий слабый самоконтроль, низкую готовность к согласию и закрытый по отношению к новому опыту – как менее социально компетентный. Отметим, что есть модели

социальной компетентности, в рамках которых ее структура содержательно соответствует чертам личности большой пятерки. Так, в контексте упомянутой выше интегративной модели компетентности К.Дж. Сото и соавторов пять сфер содержательно соответствуют пяти чертам личности. Разница между социальной компетентностью и чертами личности состоит в том, что черты личности определяют то, как человек ведет себя в среднем в различных ситуациях (типичное функционирование), а социальная компетентность то, как он способен вести себя, когда того требует ситуация (максимально возможное функционирование) [21].

При исследовании соотношения между личностными чертами и компетентностью важно также то, что, во-первых, разные черты могут вносить разный вклад в разные аспекты компетентности социального взаимодействия. Так, подростки, демонстрирующие высокий уровень сознательности, открытости опыту и экстраверсии, оцениваются учителями как обладающие более высокими навыками настойчивости, коммуникабельности и сотрудничества со сверстниками [16]. В другом исследовании установлено, что и черты личности, и эмоциональный интеллект являются независимыми друг от друга предикторами социальной компетентности. Среди черт выявлены такие, вклад которых противоположен в разные аспекты компетентности (согласие положительно связано с компетентностью в близких отношениях, и отрицательно – с компетентностью социального воздействия, нейротизм является отрицательным предиктором для компетентности во взаимодействии) [23]. Во-вторых, для более высокого уровня компетентности социального взаимодействия важен не уровень развития черт личности самих по себе, а их сочетание с другими чертами личности и иными характеристиками. Так, установлено, что более точная оценка уровня компетентности на основе личностных предикторов требует учета как минимум двух личностных черт: для ситуаций социального воздействия важна экстраверсия в сочетании с эмоциональной устойчивостью, а для ситуаций самоутверждения экстраверсия в сочетании с согласием [20]. Социальная компетентность подростков, оцениваемая через популярность у сверстников, связана с экстраверсией, однако при условии, что она сочетается с более высоким уровнем межличностной эмпатии: подросткам необходимо быть одновременно экстравертами и

обладать высокой межличностной эмпатией, чтобы их сверстники считали их привлекательными в общении [22]. То же самое относится и к взаимному вкладу личностных черт и когнитивных характеристик. Хотя в целом отмечается больший вклад личностных черт в развитие КСВ в сравнении с интеллектуальными, последние также важны. Так, по данным Н.М. Кодиной, личностные черты, характеризующие социальные аспекты темперамента (в терминах модели В.М. Русалова) сопряжены с достижением нормативного (т.е. среднего) уровня компетентности. Однако в развитие высокого (личностно-творческого) уровня развития компетентности вносит вклад общий уровень интеллекта [5].

Эмпатия, согласно целому ряду эмпирических исследований, также является важным фактором, с которым связана компетентность социального взаимодействия [12], [14], [15], [25]. Резюмируя эти работы, отметим следующее. Во-первых, данный вклад как правило оценивается как косвенный и сопряженный с другими характеристиками человека (его личностными особенностями и самоконтролем). Это согласуется с взглядом на компетентность социального взаимодействия как сложный навык, для развития которого эмпатия является важным, но далеко не единственным условием. Во-вторых, сохраняется неопределенность в отношении того, какая именно составляющая эмпатии наиболее важна для развития социальной компетентности. Не вдаваясь в дискуссии о составляющих эмпатии, отметим, что всеми авторами, хотя и с разными нюансами, признается существование двух аспектов эмпатии: аффективного (способность к формированию непосредственного эмоционального отклика в отношении чувств другого) и когнитивного (способность реконструировать чувства другого человека без переживания этих чувств самим субъектом). Однако какой из этих аспектов наиболее важен для формирования компетентности остается дискуссионным вопросом.

Описанные ориентиры в понимании компетентности социального взаимодействия определили общую цель нашего исследования, в котором мы и пытались проследить то, как черты личности, интеллект и эмпатия связаны с компетентностью социального взаимодействия.

Методики исследования

Для оценки компетентности социального взаимодействия нами была использована методика Н.М. Кодиной [4]. Она включает в себя

30 кратких проблемных ситуаций в общении и взаимодействии с другими людьми в формальной и неформальной сферах. Для каждой ситуации имеется три варианта поведения, выбор которых отвечает разному уровню выраженности компетентности. В сравнении с оригинальным вариантом был модифицирован способ характер ответа и начисления баллов. Испытуемый мог выбрать один из трех вариантов, каждый выбор, в зависимости от уровня, о котором он свидетельствовал, оценивался от 0 до 2 баллов. Таким образом, диапазон первичных баллов по всей методике изменялся в диапазоне от 0 до 60 баллов.

Для оценки интеллектуальной продуктивности использовались две методики. Интеллектуальная продуктивность в невербальной сфере оценивалась при помощи Теста интеллектуального потенциала П. Ржичана (адаптация Л.И. Вассермана и соавторов), который содержит ряд заданий на продолжение логической последовательности, выполненных с использованием абстрактного графического материала и оценивает способность к установлению логических отношений на невербальном материале [9].

Интеллектуальная продуктивность на вербальном материале оценивалась с использованием двух субтестов («Аналогии» и «Классификации») из теста умственного развития взрослых (М.К. Акимова, Е.Т. Козлова, Н.А. Ференс, Е.И. Горбачева) [1]. В качестве показателя использовалась сумма верных ответов на оба субтеста, что позволило характеризовать общую способность к установлению отношений между понятиями и обобщению.

Для оценки способности к эмпатии применялся Опросник когнитивной и аффективной эмпатии (Р. Реньерс, в адаптации М.А. Окатовой) [7]. Он позволяет оценить выраженность когнитивной эмпатии (способности человека построить в сознании модель ментального состояния окружающих) и аффективной эмпатии (степень чувствительности и восприимчивости к эмоциональным состояниям других людей). В качестве показателей использовались баллы, набранные испытуемым по когнитивной эмпатии и ее компонентам (способности и склонности к децентрации) и аффективной эмпатии и ее компонентам (отзеркаливанию эмоций – склонности к эмоциональному заражению и копированию эмоций других людей, чувствительности к близким – склонности сопереживать знакомым людям,

общей чувствительности – эмоциональной отзывчивости в целом)

Личностные черты оценивались при помощи сверхкраткой версии Опросника «Большой пятерки» BFI-2-XS (О. Джон, К. Сото, авторы адаптации А.М. Мишкевич, С.А. Щебетенко, О.А. Калугин) [6]. Показатели: степень выраженности пяти черт личности (экстраверсия, согласие, сознательность, нейротизм, открытость опыту) как сумма баллов по вопросам, относящимся к каждому качеству.

Выборку составили студенты разных направлений подготовки КГУ им. К.Э. Циолковского, 79% выборки – женщины, общий диапазон указанного при опросе возраста от 17 до 41 года, однако при этом 96% имели возраст от 17 до 25 лет. Методики предъявлялись в онлайн-режиме при помощи платформы OnlineTestPad. Студенты выполняли все методики на занятиях по психологии, сбор данных проводился под контролем одного из авторов статьи. Все методики предъявлялись без ограничения по времени. При заполнении опросников студенты указывали только пол и возраст, по итогам они получали краткую обратную связь о своих характеристиках в автоматическом режиме.

Результаты и их обсуждение

Анализ психометрических характеристик методики КСВ. Необходимость данного шага в анализе результатов была связана, во-первых, с изменениями, внесенными нами в порядок предъявления заданий и обработки результатов, а во-вторых, с некоторым устареванием стимульного материала. Исходные задания к методике КСВ разрабатывались в середине 2000-х годов и включали в себя ситуации, которые на тот момент рассматривались как потенциально проблемные с точки зрения социального взаимодействия. Однако изменившиеся социальные реалии закономерно приводят к тому, что часть ситуаций, по разным причинам, перестают быть таковыми, что приводит к снижению содержательной валидности теста. Чтобы выявить устаревшие задания, нами был проведен анализ трудности и дискриминативности пунктов. Трудность рассчитывалась по стандартной формуле: сумма баллов, набранных по данному вопросу деленная на максимально возможное число баллов (т.е. чем выше данный показатель, тем ниже трудность). Дискриминативность рассчитывалась как коэффициент корреляции Пирсона между

ответом на задание и общим баллом по шкале без учета вклада данного пункта.

По результатам анализа трудности и дискриминативности пунктов удалось выявить четыре задания с неудовлетворительными значениями этих характеристик (6,13,16,17). Все эти пункты относятся к сфере формальных отношений. Пункт 6 обладает низкой дискриминативностью (0,11) и при этом низкой трудностью (0,89). Речь в этом задании идет о действиях в случае кражи мобильного телефона и верное действие в данном случае по всей видимости уже закреплено в качестве бытового стереотипа, в силу чего ситуация не опознается испытуемыми как проблемная. Пункт 17 при низкой дискриминативности (0,15) напротив имеет достаточно высокую трудность 0,21. В этом задании человеку предлагается принять решение о действии в кафе, где нет свободных мест. По логике разработчика этот пункт чувствителен к проявлениям КСВ и отказ от взаимодействия (перейти в другое кафе) оценивается как указывающий на низкий (контрпродуктивный) уровень компетентности, в то время как взаимодействие с другими людьми (официантом или посетителями) для поиска места – как свидетельство более высокого уровня компетентности. Однако в нашем случае большинство испытуемых вне зависимости от своей социальной компетентности (на что указывает низкая

дискриминативность) выбирают контрпродуктивный ответ. По всей видимости, данная задача не оценивается испытуемыми как требующая актуализации навыков социального взаимодействия (в условиях разнообразия точек общественного питания проще перейти в другое место, чем через социальное взаимодействие добиваться места конкретном кафе). В заданиях 13 и 16, которые также обладают низкой дискриминативностью (0,12 и 0,09 соответственно), речь идет об изменившихся бытовых реалиях, касающихся поведения в библиотеке и способах оплаты проезда на транспорте, в силу чего эти задания содержательно устарели. По итогам анализа четыре упомянутых задания были исключены из дальнейшего анализа и далее все показатели рассчитывались без их учета.

После исключения пунктов методика КСВ сохранила удовлетворительную одномоментную надежность. Показатель альфа-Кронбаха составил 0,76 для общего показателя, 0,63 для формальной сферы и 0,62 для неформальной сферы. Корреляция между компетентностью в формальной и неформальных сферах составила 0,57 ($p < 0,001$), что также говорит о согласованности методики. Описательные статистики для модифицированного варианта методики КСВ и остальных показателей представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Описательные статистики показателей компетентности социального взаимодействия, интеллекта, личностных черт и эмпатии ($n=213$)

Показатель	Ср. значение	Ст. отклонение	Асимметрия	Экспесс
Компетентность социального взаимодействия				
КСВ: общий балл	35,1	7,3	-0,40	0,18
КСВ: формальная сфера	18,4	3,9	-0,44	-0,18
КСВ: неформальная сфера	16,7	4,3	-0,25	-0,32
Интеллектуальная продуктивность				
Невербальная сфера	18,8	7,7	-0,90	0,21
Вербальная сфера	11,6	4,7	-0,47	-0,55
Личностные черты Большой пятёрки				
Экстраверсия	9,6	2,9	-0,14	-0,81
Согласие	10,2	2,3	-0,21	-0,04
Сознательность	10,5	2,8	-0,14	-0,75
Нейротизм	9,6	3,0	-0,24	-0,57
Открытость опыту	10,6	2,6	-0,18	-0,31
Когнитивная и аффективная эмпатия				
Когнитивная эмпатия	53,9	8,7	-0,09	0,99
Склонность к децентрации	23,6	4,4	-0,19	0,25
Способность к децентрации	30,2	5,4	-0,19	0,41
Аффективная эмпатия	31,4	5,7	-0,25	0,06
Отзеркаливание эмоций	10,9	2,8	-0,28	-0,33
Чувствительность к близким	11,8	2,5	-0,32	-0,09
Общая чувствительность	8,6	2,2	-0,38	-0,32

Характеристика описательных статистик. Характеризуя первичные данные отметим следующее. Во-первых, судя по значениям асимметрии и эксцесса, которые не выходят за пределы ± 1 распределение можно считать приближенным к нормальному, а следовательно, использовать методы параметрической статистики. Во-вторых, что касается компетентности социального взаимодействия, то отмечается некоторая неравномерность ее выраженности для разных сфер: для формально-деловых отношений она развита выше, чем для неформальных отношений ($t = 6,22$; $df = 212$; $p < 0,001$; d Коэна = $0,426$). В-третьих, показатели развития интеллектуальной сферы в целом находятся на относительно среднем уровне. Еще в процессе наблюдения за выполнением методик мы заметили, что студенты не очень охотно выполняют задания, требующие мыслительной активности, а некоторые просто их пропускают, давая случайный ответ. Это отразилось и в средних показателях. Для невербальной сферы (тест интеллектуального потенциала) балл 19, согласно

приводимым разработчиками нормам для 16 лет и выполнения с ограничением времени (а у нас время не ограничивалось) соответствует IQ-баллу 92, что немного ниже среднего. Для вербальной сферы среднее соответствует 40% выполненных заданий, что, в терминах разработчиков, означает приближенность к нормативу умственного развития на 40%. Являются ли эти показатели свидетельством реально относительно средней сформированности у испытуемых интеллектуальной сферы или же проявлением их невовлеченности в исследование остается под вопросом, однако, так или иначе, надо учитывать в данном случае некоторое ограничение диапазона проявлений в выраженности интеллекта с точки зрения его высокого уровня.

Анализ корреляций между показателями компетентности социального взаимодействия и другими характеристиками. Для оценки соотношения КСВ с интеллектом, личностными чертами и эмпатией были рассчитаны коэффициенты корреляции по Пирсону между этими показателями (таблица 2).

Таблица 2 – Результаты корреляционного анализа взаимосвязей компетентности социального взаимодействия с интеллектом, личностными чертами и эмпатией

	Компетентность социального взаимодействия		
	Общая	Формальное взаимодействие	Неформальное взаимодействие
Интеллектуальная продуктивность			
Невербальная сфера	0,108	0,136*	0,059
Вербальная сфера	0,010	0,048	-0,027
Личностные черты			
Экстраверсия	0,376***	0,292***	0,372***
Согласие	0,280***	0,176***	0,315***
Сознательность	0,334***	0,306***	0,288***
Нейротизм	-0,203**	-0,133*	-0,223**
Открытость опыту	0,059	0,053	0,052
Эмпатия			
Когнитивная эмпатия	0,391***	0,332***	0,361***
Склонность к децентрации	0,351***	0,266***	0,352***
Способность к децентрации	0,340***	0,314***	0,290***
Аффективная эмпатия	0,168*	0,086	0,206**
Отзеркаливание эмоций	0,022	0,004	0,034
Чувствительность к близким	0,340***	0,194**	0,401***
Общая чувствительность	0,018	-0,002	0,033

Примечание: представлены коэффициенты корреляции Пирсона; значимость коэффициентов * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$; *** - $p < 0,001$;

Анализ взаимосвязей указывает на то, что вклад в изменчивость КСВ прежде всего вносят черты личности большой пятерки, охватывающие различные аспекты коммуникации, а также когнитивная эмпатия и, в меньшей степени, аффективная эмпатия. В целом картина связей, на наш взгляд, отвечает взгляду на компетентность социального взаимодействия как готовность к активному воздействию на социальную ситуацию с целью ее изменения. Такую готовность усиливает экстраверсия как стремление к активному, напористому и энергичному воздействию на социальную среду, согласие как восприимчивость к другому человеку, его запросам и нуждам и сознательность как тенденция к самоконтролю своих поступков. Вместе с тем, высокий уровень тревожности и беспокойства, свойственный людям с высоким нейротизмом напротив может predispose к пассивному реагированию в проблемных ситуациях общения, т.е. в большей степени сопряжен с низким уровнем КСВ.

Из составляющих аспектов эмпатии наиболее важный вклад в компетентность социального взаимодействия вносит когнитивная эмпатия как общая склонность и способность к децентрации – рациональной реконструкции мыслей и эмоциональных переживаний другого человека.

Аффективная эмпатия в целом менее связана с КСВ. Эта связь более проявлена для ситуаций неформального взаимодействия, а также для одного из аспектов аффективной эмпатии – чувствительности к близким. Иными словами, люди, более склонные к сопереживанию и сочувствию людям, с которыми они непосредственно общаются, имеют более высокий уровень развития КСВ. Это можно объяснить тем, что для развития КСВ особенно важным является опыт общения с людьми, с которыми человек вступает в непосредственное взаимодействие, в сравнении с развитием способности сочувствовать людям вообще (что охватывается шкалой общей чувствительности) или же просто воспроизводить в своем опыте эмоции других людей (что охватывает шкала отзеркаливания эмоций). Заметим, что из трех аспектов аффективной эмпатии именно чувствительность к близким теснее других связана с когнитивной эмпатией ($r = 0,625$, $p < 0,001$), поэтому вполне возможно, что в данном случае наблюдаемая корреляция связана с косвенным вкладом

когнитивной эмпатии. Полученные нами результаты согласуются с исследованием М.А. Окатовой, где было установлено, что когнитивная эмпатия положительно связана с эмоциональным интеллектом, в то время как аффективная эмпатия (в особенности отзеркаливание эмоций) связана с ним отрицательно [7]. Аналогично в исследовании А.И. Белоусовой и М.Я. Гейвандовой с использованием альтернативной адаптации опросника Р. Рейнерс были выявлены отрицательные связи аффективной эмпатии с внутрилличностным эмоциональным интеллектом [2].

Анализ взаимосвязи факторов, вносящих вклад в компетентность социального взаимодействия. Интеллект, эмпатия и личностные черты не только по отдельности, но и в сложной системе взаимосвязей способствуют формированию компетентности. Так судя по корреляционному анализу (таблица 2) непосредственный вклад интеллектуальных характеристик в КСВ невелик, и ограничен связью продуктивности в невербальной сфере с компетентностью в сфере формального взаимодействия. Однако интеллектуальная продуктивность в невербальной сфере соотносится с более высокими показателями когнитивной эмпатии в целом ($r = 0,195$, $p = 0,004$) и ее составляющими – способностью к децентрации ($r = 0,137$, $p = 0,045$) и склонностью к децентрации ($r = 0,214$, $p = 0,002$). В то же время аффективная эмпатия не связана с интеллектуальной продуктивностью. Такие соотношения поддерживают трактовку когнитивной эмпатии как познавательной способности, в противоположность аффективной, а также дают возможность описать связь интеллектуальной продуктивности с компетентностью социального взаимодействия как опосредованную: люди, имеющие более высокий интеллектуальный потенциал имеют более высокий уровень когнитивной эмпатии и, в силу этого, являются более компетентными в социальном взаимодействии. Эти соображения подтверждаются результатами анализа медиации. Анализ был проведен с использованием модуля GLM Mediation Model из пакета Jamovi. В данном случае использовалась простая схема из трех переменных. В качестве «независимой» переменной в анализе была взята продуктивность в невербальной сфере, в качестве «зависимой» переменной выступил общий балл по КСВ, а в переменной-медиатором был балл по когнитивной эмпатии. Для общего балла по КСВ общий вклад невербальной

интеллектуальной продуктивности является незначимым ($\beta = 0,11$; $p = 0,11$), однако вклад, опосредованный когнитивной эмпатией, является значимым ($\beta = 0,08$; $p = 0,009$), что вызвано с одной стороны, связью КСВ с когнитивной эмпатией, а с другой – связью когнитивной эмпатии с интеллектуальной продуктивностью. Таким образом, люди, обладающие более высоким уровнем интеллекта способны к построению более сложной и детализированной картины реальности, в том числе, относящейся к чувствам и мыслям других людей (когнитивная эмпатия), а последняя выступает как основа для более продуктивного социального взаимодействия.

Интеллектуальная продуктивность не обнаружила корреляций с чертами личности большой пятерки за исключением продуктивности в невербальной сфере, которая соотносится с более высокими значениями открытости опыту ($r = 0,153$, $p = 0,026$), что соответствует трактовке этой черты как охватывающей проявления интеллекта человека. Поэтому личностные черты можно рассматривать как независимый от интеллекта фактор, вносящий вклад в КСВ.

Однако, что касается эмпатии и черт личности большой пятерки, то тут картина более сложная, поскольку сами по себе они связаны друг с другом. Так, когнитивная эмпатия связана с более высоким уровнем экстраверсии ($r = 0,289$, $p < 0,001$), согласия ($r = 0,398$, $p < 0,001$), сознательности ($r = 0,296$, $p < 0,001$) и открытости опыту ($r = 0,268$, $p < 0,001$). Сходные по величине корреляции наблюдаются и для двух аспектов когнитивной эмпатии. Аффективная эмпатия соотносится с более высоким уровнем согласия ($r = 0,395$, $p < 0,001$) и нейротизма ($r = 0,350$, $p < 0,001$). При этом характер корреляционных связей оказывается различным для разных аспектов аффективной эмпатии. Отзеркаливание эмоций соотносится с согласием ($r = 0,251$, $p < 0,001$) и нейротизмом ($r = 0,446$, $p < 0,001$), чувствительность к близким с экстраверсией ($r = 0,157$, $p = 0,022$), согласием ($r = 0,440$, $p < 0,001$), сознательностью ($r = 0,154$, $p = 0,025$), нейротизмом ($r = 0,194$, $p = 0,004$) и открытостью опыту ($r = 0,168$, $p = 0,014$). Общая чувствительность связана с согласием ($r = 0,206$, $p = 0,002$) и

сознательностью ($r = 0,159$, $p = 0,020$). Отметим два существенных для нашей работы момента. Во-первых, когнитивная эмпатия соотнесена с теми личностными чертами, которые, как было отмечено выше, положительно коррелируют с компетентностью социального взаимодействия (экстраверсия, согласие и сознательность), а аффективная эмпатия в сравнении с когнитивной включает в себя как аспекты, которые связаны с чертами личности, которые вносят положительный вклад в компетентность (чувствительность к близким, соотнесенная с экстраверсией, согласием и сознательностью), так и аспекты, которые больше связаны с нейротизмом, вносящим негативный вклад в компетентность (отзеркаливание эмоций). Во-вторых, аффективная эмпатия выглядит менее однородным конструктом в сравнении с когнитивной на уровне корреляционного анализа составляющих их компонентов. Оба аспекта когнитивной эмпатии тесно коррелируют между собой ($r = 0,547$, $p < 0,001$), а аспекты аффективной эмпатии демонстрируют менее тесные взаимосвязи (отзеркаливание эмоций тесно соотнесена с чувствительностью к близким ($r = 0,543$, $p < 0,001$), в то время как общая чувствительность более слабо связана с чувствительностью к близким ($r = 0,294$, $p < 0,001$) и отзеркаливанием эмоций ($r = 0,243$, $p < 0,001$).

Для того, чтобы оценить независимый вклад личностных черт и эмпатии в проявления компетентности социального взаимодействия был проведен иерархический регрессионный анализ. На первом шаге в качестве предикторов были добавлены черты личности большой пятерки, а на втором – характеристики когнитивной и аффективной эмпатии. При этом когнитивная эмпатия была добавлена как одна переменная (поскольку два ее аспекта тесно связаны между собой), а аффективная эмпатия в виде трех разных составляющих, учитывая отмеченную ранее в корреляционном анализе большую разнородность этого аспекта как внутри ее составляющих, так и с точки зрения направленности вклада в компетентность. Сравнение первого и второго шагов должно показать то, насколько значимым является вклад эмпатии независимо от вклада черт личности.

Таблица 3 – Результаты иерархического регрессионного анализа вклада личностных черт и эмпатии в изменчивость компетентности социального взаимодействия в разных сферах

Предикторы	Компетентность социального взаимодействия		
	Общая	Формальное взаимодействие	Неформальное взаимодействие
<i>Шаг 1</i>			
Экстраверсия	0,23***	0,16*	0,24***
Согласие	0,11	0,04	0,15*
Сознательность	0,12	0,17*	0,04
Нейротизм	–0,07	0,02	–0,14*
Открытость опыту	–0,07	–0,04	–0,08
R ²	0,236	0,144	0,245
<i>Шаг 2</i>			
Когнитивная эмпатия	0,15*	0,24**	0,03
Отзеркаливание эмоций	–0,17*	–0,09	–0,15*
Чувствительность к близким	0,26***	0,04	0,41***
Общая чувствительность	–0,07	–0,06	–0,06
R ²	0,313	0,191	0,348
ΔR ²	0,077***	0,047*	0,103***

Примечание: Стандартизированные β-коэффициенты приведены для полной модели

В целом результаты регрессионного анализа позволяют сделать следующие выводы, детализирующие и дополняющие результаты корреляционного анализа. Во-первых, эмпатия и ее составляющие вносят независимый от личностных черт вклад в изменчивость КСВ и ее аспектов, поскольку ΔR^2 значим для сравнения моделей (т.е. добавление предикторов, связанных с эмпатией, позволяет увеличить предсказательность регрессионной модели, что особо выражено для компетентности в сфере неформального взаимодействия). Во-вторых, для разных сфер проявления компетентности социального взаимодействия в качестве значимых выделяются разные факторы. Компетентность в сфере формальных отношений соотносится с экстраверсией, сознательностью и когнитивной эмпатией, в то время как для развития компетентности в сфере неформальных отношений важны экстраверсия, согласие, эмоциональная стабильность, чувствительность к близким, а также пониженная склонность к эмоциональному заражению (отзеркаливанию эмоций).

Полученные нами в ходе анализа данных результаты вполне согласуются и с теми представлениями об эмпатии, которые предполагают разграничение ее более зрелых, продуктивных форм и менее зрелых, непродуктивных форм, которые отличаются по включенности интеллекта

в их функционирование [11]. Аффективная эмпатия, по сути может быть рассмотрена как менее зрелая форма эмпатического реагирования, в особенности в аспекте отзеркаливания эмоций. По своему содержательному наполнению отзеркаливание эмоций сближается, хотя и не сводится к эмпатическому личному дистрессу – дискомфорту при восприятии чужого эмоционального состояния [2]. Дистресс является более простой и менее интеллектуализированной формой эмпатического реагирования [3], а склонность к эмоциональному заражению сопряжена с трудностями в регуляции собственных эмоций и самоконтроля [2]. Когнитивная же эмпатия, опирающаяся на более развитые интеллектуальные ресурсы, предполагает ориентацию на объективный анализ ситуации при контроле своих собственных эмоциональных реакций. Компетентность социального взаимодействия как готовность к активному воздействию на ситуацию с опорой на ее анализ, актуализирует не эмпатию вообще, а именно зрелые, продуктивные ее формы. Менее зрелые формы эмпатического реагирования, такие как отзеркаливание эмоций, скорее препятствуют компетентному решению проблемных ситуаций.

Заключение

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

Компетентность социального взаимодействия – сложный навык, который не сводится к частным чертам и способностям человека, хотя и опирается в своем развитии как на личностные, так и на интеллектуальные ресурсы.

Среди личностных характеристик наиболее важными являются черты, которые обеспечивают готовность к активному воздействию на социальные ситуации с целью их изменения в желаемом направлении (экстраверсия) при чувствительности к интересам других людей (согласие). Кроме того, важным предиктором компетентности социального взаимодействия является эмоциональная стабильность, которая позволяет человеку сохранять оптимальный эмоциональный фон при разрешении проблемных ситуаций в общении.

Когнитивная эмпатия как склонность и способность к децентрации является более

важным фактором для развития компетентности социального взаимодействия в сравнении с аффективной, что особенно выражено для компетентности в сфере формальных отношений. Вклад аффективной эмпатии разнонаправлен для разных сфер компетентности и составляющих аспектов эмпатии. Для сферы формальных отношений уровень аффективной эмпатии не является важным условием, а для компетентности в сфере неформальных отношений положительный вклад вносят одни ее аспекты (чувствительность к близким людям), в то время как другие ее аспекты (отзеркаливание эмоций) связаны с компетентностью отрицательно.

Интеллект вносит опосредованный вклад в компетентность социального взаимодействия за счет того, что лица с более высокой интеллектуальной продуктивностью имеют более высокий уровень когнитивной эмпатии.

Список литературы:

1. Акимов М. К., Горбачева Е.И., Козлова В.Т., Ференс Н.А. Тест умственного развития взрослых // Психологическая диагностика. 2010. № 1. С. 25–62.
2. Белоусова А.И., Гейвандова М.Я. Когнитивная и аффективная эмпатия: апробация опросника на российской выборке // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2021. №2. С.6-20.
3. Карягина Т.Д., Придачук М.А. Эмпатически обусловленный дистресс и возможности его диагностики // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т.25. №2. С.8–38.
4. Козинцева Н.М. Опыт создания методики измерения компетентности социального взаимодействия // Психологическая диагностика. 2006. № 3. С. 27–46.
5. Козинцева Н.М. Развитие компетентности социального взаимодействия студентов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. №9. С.76–79.
6. Мишкевич А. М., Щебетенко С.А., Калугин А.Ю., Сото К.Д., Джон О.П. Апробация краткой и сверх-краткой версий вопросника Big Five Inventory-2: BFI-2-S и BFI-2-XS // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 1. С. 95–108.
7. Окатова М. А. Апробация русскоязычной версии опросника когнитивной и аффективной эмпатии // Психология. Журнал Высшей Школы Экономики. 2021. Т. 18. № 4. С. 685–699.
8. Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. М.: Политиздат, 1982.
9. Потенциал интеллектуального развития. Тестовая методика психологической диагностики / под ред. Л.И. Вассермана. СПб.: Речь, 2008. 112 с.
10. Родина О.Н. Феномен «Компетенция социального взаимодействия студентов»: сущность, структура и содержание // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т.5. №2. С. 148-152.
11. Холодная М. А., Соловьева Е. В. Конструктивные и деструктивные аспекты эмпатии как следствие ее многомерной природы // Психологический журнал. 2024. Т. 45. № 1. С. 32–45.
12. Allemand M., Steiger A. E., Fend H. A. Empathy Development in Adolescence Predicts Social Competencies in Adulthood: Adolescent Empathy and Adult Outcomes // Journal of personality. 2015. V. 83. № 2. P. 229–241.
13. Cillessen A. H. N., Bellmore A. D. Social Competence in Interactions with Peers // The Wiley-Blackwell Handbook of Childhood Social Development / eds. P. K. Smith, C. H. Hart. Hoboken, NJ: Wiley, 2022. P. 520–537.
14. Eisenberg N., Huerta S., Edwards A. Relations of empathy-related responding to children's and adolescents' social competence // Empathy: From Bench to Bedside / ed. by J. Decety. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2012. P. 148–163.

15. Hirn S. L., Thomas J., Zoelch C. The role of empathy in the development of social competence: a study of German school leavers // *International Journal of Adolescence and Youth*. 2019. T. 24. № 4. С. 395–407.
16. Lianos P. G. Parenting and social competence in school: The role of preadolescents' personality traits // *Journal of Adolescence*. 2015. V. 41. P. 109–120.
17. Linden D. van der, Dunkel C. S., Petrides K. V. The General Factor of Personality (GFP) as social effectiveness: Review of the literature // *Personality and Individual Differences*. 2016. V. 101. P. 98–105.
18. Persich M. R., Robinson M. D. Five Approaches to Understanding Interpersonal Competence: A Review and Integration // *Review of General Psychology*. 2022. V. 26. № 4. P. 464–486.
19. Schneider R. J., Ackerman P. L., Kanfer R. To “act wisely in human relations:” Exploring the dimensions of social competence // *Personality and Individual Differences*. 1996. V. 21. № 4. P. 469–481.
20. Smółka P., Szulawski M. Personality Traits and Motivational Traits as Predictors of Social Competence. Implication for Occupational Selection Process // *EEiM*. 2011. V. 22. № 4. P. 111–126.
21. Soto C. J., Napolitano C.M., Sewell M.N., Yoon H.J., Roberts B.W. An integrative framework for conceptualizing and assessing social, emotional, and behavioral skills: The BESSI // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2022. V. 123. № 1. P. 192–222.
22. Szczygiel D., Mikolajczak M. Is It Enough to Be an Extrovert to Be Liked? Emotional Competence Moderates the Relationship Between Extraversion and Peer-Rated Likeability // *Front. Psychol*. 2018. V. 9. C. 804.
23. Szczygiel D., Weber J. Emotional intelligence predicts peer-rated social competence above and beyond personality traits // *Current Issues in Personality Psychology*. 2017. V. 5. № 2. P. 91–101.
24. Topping K., Bremner W., Holmes E. Social competence: The social construction of the concept // *The handbook of emotional intelligence: Theory, development, assessment, and application at home, school, and in the workplace*. Hoboken, NJ, US: Jossey-Bass/Wiley, 2000. P. 28–39.
25. Zorza J. P., Marino J., Lemus S., Mesas A.A. Academic Performance and Social Competence of Adolescents: Predictions based on Effortful Control and Empathy // *The Spanish Journal of Psychology*. 2013. V. 16. P. 87.

E.Yu. Savin, K.S. Bruleva

INTELLIGENCE, EMPATHY AND PERSONALITY TRAITS AS CONDITIONS FOR DEVELOPING UNIVERSITY STUDENTS' SOCIAL INTERACTION COMPETENCE

Abstract. This paper presents the results of an empirical study examining the relationship between personality traits, empathy, intelligence, and social interaction competence among university students (n = 213). It was found that social interaction competence, as measured by N.M. Kodintseva's test, is associated with both personality traits and intellectual resources. Among the Big Five personality traits, extraversion (which reflects readiness to actively shape interaction situations), agreeableness (sensitivity to partners' needs and concerns), and emotional stability (which establishes an optimal emotional background) make the most significant contributions to social competence. Empathy (measured using R. Reniers' questionnaire, adapted by M.A. Okatova) contributes independently to social interaction competence, with cognitive empathy (ability and inclination for decentration) proving more important than affective empathy. The contribution of affective empathy is mixed: it includes components that enhance competence (e.g., sensitivity to loved) as well as components negatively associated with competence (e.g., emotional mirroring). Intelligence (assessed via the P. Říčan test) contributes indirectly to social interaction competence, as individuals with higher intelligence tend to have higher levels of cognitive empathy.

Keywords: social interaction competence, social competence, Big Five personality traits, empathy, intelligence, university students.

References:

1. Akimova M.K., Gorbacheva E.I., Kozlova V.T., Ferens N.A. Adult mental development test // *Psychological diagnostics*. 2010. № 1. P. 25–62.
2. Belousova A.I., Geivandova M.Ya. Cognitive and affective empathy: approbation of questionnaire on Russian sample // *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*. 2021. № 2. P.6-20.
3. Karyagina T.D., Pridachuk M.A. Empathically caused distress and possibilities of its diagnostics // *Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2017. V.25. № 2. P.8–38.

4. Kodintseva N.M. Experience of creating methodology for measuring competence of social interaction // Psychological diagnostics. 2006. № 3. P. 27–46.
5. Kodintseva N.M. Development of students' social interaction competence // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2007. № 9. P. 76–79.
6. Mishkevich A.M., Shchebetenko S.A., Kalugin A.Yu., Soto C.J., John O.P. Probation of short and extra-short forms of Russian version of questionnaire “Big Five Inventory”-2: BFI-2-S AND BFI-2-XS // Psychological journal. 2022. V. 43. № 1. P. 95–108.
7. Okatova M.A. Approbation of Russian version of cognitive and affective empathy questionnaire // Psychology. Journal of Higher School of Economics. 2021. V. 18. № 4. P. 685–699.
8. Petrovsky A.V. Personality. Activity. Collective. M.: Politizdat, 1982.
9. Potential of intellectual development. Test methodology of psychological diagnostics / edited by L.I. Wasserman. SPb.: Rech, 2008. 112 p.
10. Rodina O.N. Phenomenon “Students' social interaction competence”: essence, structure and content // Pedagogy. Issues of theory and practice. 2020. V5. №2. P. 148–152.
11. Kholodnaya M.A., Solovyeva E.V. Constructive and destructive aspects of empathy as consequence of its multidimensional nature // Psychological journal. 2024. V. 45. № 1. P. 32–45.
12. Allemand M., Steiger A. E., Fend H. A. Empathy Development in Adolescence Predicts Social Competencies in Adulthood: Adolescent Empathy and Adult Outcomes // Journal of personality. 2015. V. 83. № 2. P. 229–241.
13. Cillessen A. H. N., Bellmore A. D. Social Competence in Interactions with Peers // The Wiley-Blackwell Handbook of Childhood Social Development / eds. P. K. Smith, C. H. Hart. Hoboken, NJ: Wiley, 2022. P. 520–537.
14. Eisenberg N., Huerta S., Edwards A. Relations of empathy-related responding to children's and adolescents' social competence // Empathy: From Bench to Bedside / ed. by J. Decety. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2012. P. 148–163.
15. Hirn S. L., Thomas J., Zoelch C. The role of empathy in the development of social competence: a study of German school leavers // International Journal of Adolescence and Youth. 2019. T. 24. № 4. C. 395–407.
16. Lianos P. G. Parenting and social competence in school: The role of preadolescents' personality traits // Journal of Adolescence. 2015. V. 41. P. 109–120.
17. Linden D. van der, Dunkel C. S., Petrides K. V. The General Factor of Personality (GFP) as social effectiveness: Review of the literature // Personality and Individual Differences. 2016. V. 101. P. 98–105.
18. Persich M. R., Robinson M. D. Five Approaches to Understanding Interpersonal Competence: A Review and Integration // Review of General Psychology. 2022. V. 26. № 4. P. 464–486.
19. Schneider R. J., Ackerman P. L., Kanfer R. To “act wisely in human relations:” Exploring the dimensions of social competence // Personality and Individual Differences. 1996. V. 21. № 4. P. 469–481.
20. Smółka P., Szulawski M. Personality Traits and Motivational Traits as Predictors of Social Competence. Implication for Occupational Selection Process // EEiM. 2011. V. 22. № 4. P. 111–126.
21. Soto C. J., Napolitano C.M., Sewell M.N., Yoon H.J., Roberts B.W. An integrative framework for conceptualizing and assessing social, emotional, and behavioral skills: The BESSI // Journal of Personality and Social Psychology. 2022. V. 123. № 1. P. 192–222.
22. Szczygiel D., Mikolajczak M. Is It Enough to Be an Extrovert to Be Liked? Emotional Competence Moderates the Relationship Between Extraversion and Peer-Rated Likeability // Front. Psychol. 2018. V. 9. C. 804.
23. Szczygiel D., Weber J. Emotional intelligence predicts peer-rated social competence above and beyond personality traits // Current Issues in Personality Psychology. 2017. V. 5. № 2. P. 91–101.
24. Topping K., Bremner W., Holmes E. Social competence: The social construction of the concept // The handbook of emotional intelligence: Theory, development, assessment, and application at home, school, and in the workplace. Hoboken, NJ, US: Jossey-Bass/Wiley, 2000. P. 28–39.
25. Zorza J. P., Marino J., Lemus S., Mesas A.A. Academic Performance and Social Competence of Adolescents: Predictions based on Effortful Control and Empathy // The Spanish Journal of Psychology. 2013. V. 16. P. 87.

Статья поступила в редакцию 01.02.2026 г.